

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В ГЕРМАНИИ¹

В Германии после окончания войны обнаружились, кроме традиционно-консервативного пути, буржуазно-демократическая и национал социалистическая перспективы общественного развития. В конечном итоге Веймарская республика уступила место нацистскому третьему рейху, просуществовавшему с 30 января 1933 г. по 9 мая 1945 г.

Многие причисляют национал социалистический режим к режимам тоталитарного типа. Если это и так, то нельзя не учитывать его отличительные признаки, характеризующие нацизм как уникальный феномен XX века.

Гитлер пришел к власти квазидемократическим путем.

Таинственны, труднодостижимы трансформации германского общества в период мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг. Веймарская республика, столкнувшись с суровыми жизненными реалиями, вызывавшие всеобщее недовольство и брожение всех социальных слоев, включая верхние, так и не сумела обезопасить себя. Потенциала принятой в 1919 г. конституции, которая гарантировала полную демократию на долгие времена, оказалось явно недостаточно для удержания государства в либерально-демократическом состоянии. Конституционный кризис (возникший на гребне резкого обострения других кризисных процессов) вплотную придвинул страну к роковой черте. Политическая жизнь значительно усложнилась и ускорилась, толкая Германию за пределы демократии либерального толка. И хотя результаты президентских (март-апрель 1932 г.), а также парламентских (в июле и ноябре того же года) выборов свидетельствовали о поддержке республиканских институтов в первом случае большинством, во втором – половиной всех избирателей, не они уже определяли дальнейшее развитие событий.

В 1919 г. авторы Веймарской конституции вряд ли могли предположить, что искусно сформированный ими основной закон всего лишь десять лет спустя не сможет действовать так, как задумывалось, а политическая система страны окажется почти целиком парализованной. В 1930-1932 гг. в Германии как в отношениях между партиями (и партийными коалициями), так и на уровне властных структур стремительно складывалась патовая ситуация, из которой, казалось, невозможно выбраться с помощью установленных конституцией норм. Все это грозило непредсказуемыми последствиями.

Первостепенная государственно-правовая проблема состояла в крайней необходимости, но вместе с тем и неспособности (а в известном смысле – и в

¹ Данный раздел книги представляет собой сокращенный текст статьи выдающегося исследователя истории и идеологии германского национал-социализма профессора В.А. Буханова (1948-1995) "Национал-социалистический режим в Германии". При жизни автора статья не публиковалась. Полный текст статьи В.А. Буханова публикуется в сборнике "Европа на рубеже тысячелетий".

нежелании определенных кругов) на протяжении трех кризисных лет сформировать правительство, опирающееся на парламентское большинство. Отставка в марте 1930 г. кабинета “большой коалиции” во главе с социал-демократом Г. Мюллером как будто не предвещала непосредственной угрозы республиканским устоям (крупнейшая в то время политическая сила страны, социал-демократическая партия и раньше в Веймарские годы не раз уходила в оппозицию), если бы не обескураживающее падение влияния демократической, народной и других, не столь заметных, партий с умеренными программами, которые отныне – даже все вместе – были не в силах составить достойную замену СДПГ в правительстве. Не случайно кабинет рейхсканцлера Г. Брюнинга был сформирован на иных принципах, чем прежний: он просто не смог бы получить вотум доверия в рейхстаге. Так в 1930-1933 гг. отчетливо проявилась дилемма “парламентских” и “президентских” (“президиальных”) правительств, и последние полностью вытеснили первых.

В политической жизни Германии произошло еще одно коренное изменение – совершенно неожиданный колоссальный рост популярности национал-социалистической рабочей партии (НСДАП), единственной партии Веймарской Германии, сумевшей в 1933 г. разрушить либерально-демократическую систему. Собрав 2,6 % всех голосов на парламентских выборах в мае 1928 г., 18,3% (в семь раз больше!) на сентябрьских выборах 1930 г., 37,4 % в июле и 33,1 % в ноябре 1932 г., она превратилась сначала во вторую (после СДПГ), а к середине 1932 г. в первую партию страны. И дело не только в том, что теперь ее нельзя было игнорировать при решении властных вопросов (ведь и социал-демократическая партия, получившая и в июле, и в ноябре 1932 г. более 20 % голосов, продолжала находиться вне правительства). Словно мощный магнит, НСДАП могла сейчас притягивать к себе различные политические силы в нужной ей комбинации. Возникла ранее не предусматривавшаяся опасность ликвидации либеральной демократии при помощи самой демократической конституции, опасность двоякого рода: во-первых, легального разрушения традиционно сложившейся веймарской коалиции партий путем включения в нее нацистов (если бы, к примеру, на основании июльских парламентских выборов 1932 г. сложился “черно-коричневый” альянс между нацистской партией и партией Центра; мыслились и иные варианты), во-вторых, образования откровенно антивеймарской правительственной коалиции, тоже пользующейся доверием рейхстага (такое – быть может, только теоретически – допускалось в виде “красно-коричневого” союза КПП и НСДАП: в июле 1932 г. за них проголосовало 52 % принявших участия в выборах, в ноябре – 49%).

Таким образом, в конкретно-исторических условиях Веймарской Германии начала 30-х гг., когда всеобщий кризис сказался на настроении масс, вполне демократическая процедура парламентских выборов снова и снова воспроизводила невиданный прежде порядок вещей – концентрацию (вплоть до арифметического преобладания) антилиберальных, антидемократических, антиконституционных сил в высшем представительном органе государства. От рейхстага стала исходить реальная угроза Веймарской республике.

Сложилась необычная, в какой-то степени иррациональная обстановка. НСДАП аргументировала свои притязания на власть победами на парламентских выборах, создавая в массах впечатление о законности своих действий. Правящие же круги были вынуждены искать обходные пути для того, чтобы преодолеть тупиковую ситуацию, в которой оказалась Веймарская республика.

На случай серьезного нарушения общественной безопасности или угрозы таковой статья 48 Веймарской конституции наделяла президента республики правом принимать меры, необходимые для восстановления порядка. Это право было реализовано формированием “президентских” кабинетов Г. Брюнинга (30 марта 1930 г.), Ф. Папена (1 июня 1932 г.) и К. Шлейхера (3 декабря 1932 г.), не имевших, в отличие от “парламентских”, прочной опоры в рейхстаге. На их долю выпала чрезвычайно важная миссия, сопряженная с поисками выхода из кризиса государственной власти и установлением устойчивого авторитарного режима. Которому удалось бы нейтрализовать угрозу тоталитарной нацистской и тем более коммунистической диктатуры. Под видом приглашения Гитлера и других руководителей НСДАП в очередной “президентский” кабинет предполагалось интегрировать национал-социалистическое движение в уже нарождавшуюся – веймарскую – властную систему, заполучить для нее массовую базу, придать ей видимость легитимности, а затем посредством изменения основного и избирательного законов осуществить конституционный переворот. В сущности, речь шла о радикальном и молниеносном перераспределении полномочий в пользу исполнительной власти за счет законодательной, как это всегда бывает при переходе к авторитаризму.

По мере развития событий, но в особенности с середины 1932 г. в недрах правящей консервативной элиты выявились как минимум два варианта перехода от веймарской либерально-демократической системы к авторитарной. Один вариант (условно его можно назвать “вариантом Шлейхера”) предусматривал формирование в крайнем случае беспартийного правительства специалистов с опорой на армию, со временем перерастающего в открытую военную диктатуру. Вдохновители другого варианта (условно называемого здесь “вариантом Папена”) склонялись к образованию правительства “национальной концентрации” с предпочтительным участием правых политических партий. Помимо всего прочего, он обеспечивал континуитет власти. И Шлейхер, и Папен стремились не только во что бы то не стало заручиться поддержкой самой влиятельной партии – НСДАП, но и привлечь её к сотрудничеству в правительстве, были готовы отдать её фюреру даже пост главы кабинета, лишь бы использовать нацистов в своих интересах. Но Шлейхер действовал более прямолинейно. С конца 1932 г. возглавлявшееся им правительство требовала президента республики П. Гинденбурга немедленного введения в Германии чрезвычайного положения, роспуска рейхстага и длительной отсрочки – по меньшей мере до осени – новых парламентских выборов. Последнее находилось в явном противоречии со статьёй 25 конституции и было неприемлемо для президента, считавшего, что ещё не исчерпаны все пути для преодоления кризиса. Программа Шлейхера не могла

не натолкнуться на негативную реакцию и Гитлера. В ходе секретных переговоров между ним и Папиным, на которых стороны стремились переиграть друг друга, была заключена сделка о распределении портфелей в новом “президентском” кабинете с участием представителей НСДАП.

30 января 1933 г. президент Веймарской республики назначил Гитлера рейхсканцлером правительства “национальной концентрации”. Национал-социализм в Германии пришёл к власти.

Нацисты разрушили либеральную демократию и интегрировали авторитаризм в свою систему власти.

Таинственные, труднообъяснимые события первых дней, недель, месяцев национал-социалистической диктатуры. Непостижимо как за такой короткий промежуток времени нацистам удалось без остатка разрушить либерально – бюрократический строй, подчинить консервативный авторитаризм и заложить основы собственной – тоталитарной – государственности. Правительственная деятельность НСДАП заранее оговаривалась столь многочисленными условиями, что, казалось, у неё не было никаких шансов освободиться из-под опеки авторитарно – консервативных сил. Пален получил пост вице-канцлера и имперского комиссара Пруссии – таким образом он намеревался наблюдать за Гитлером, а при необходимости заменить его в должности главы кабинета. В узком кругу единомышленников он говорил: “Гинденбург мне доверяет. Через два месяца мы так прижмём Гитлера, что он запишит”.

Кроме Папена, ещё семь министров в правительстве “национальной концентрации” не состояли в нацистской партии, они были либо беспартийными (что не мешало им придерживаться авторитарных убеждений), либо входили в национальную партию или тесно примыкающую ей военизированную организацию “Стальной шлем”.

Они возглавляли министерство экономики, иностранных дел, рейхсвера, некоторые другие важные министерства. Новый министр рейхсвера В. Бломберг, от позиции которого зависело очень многое, буквально через день после образования кабинета заявил о своем твердом намерении сохранять вооруженные силы в качестве надпартийного органа. Национал-социалисты находились в правительстве в значительном меньшинстве. По предварительной договоренности, в их руки перешли всего три поста, но все они имели ключевое значение (посты рейхсканцлера, министра внутренних дел и министра без портфеля, являвшегося одновременно министром внутренних дел Пруссии).

Дополнительное условие поставил президент Гинденбург. Считая себя гарантом конституции и отнюдь не собираясь отстраняться от процесса перехода к авторитарной системе, он лелеял мечту о восстановлении в Германии монархического строя. В финале переговоров о назначении Гитлера рейхсканцлером Гинденбург выразил пожелание включить в состав правительства “национальной концентрации” представителей партии Центра. Если бы это

случилось, “президентский” кабинет автоматически получил бы вотум доверия в рейхстаге (на парламентских выборах в ноябре 1932 года НСДАП, национальная партия и партия Центра вместе набрали 53.6 % голосов) и, следовательно, одновременно приобрёл бы статус “парламентского”. Возникло бы чувство единения президентских структур и законодательной власти, ощущение выхода из затянувшегося правительственного кризиса по инициативе П. Гинденбурга. Суть пожелания президента республики сводилась, далее, к тому, чтобы удержать под контролем рискованный политический эксперимент, начатый консерваторами группы Папена совместно с национал-социалистами, заставить и Папена, и Гитлера принять его, президента, правила игры.

Подобным замыслом не суждено было осуществиться. Гинденбург натолкнулся на решительное противодействие партнёров по правительственной коалиции, причём не только нацистов, но и националистов. Переговоры с партией Центра со стороны кабинета велись только членами НСДАП, и понятно, с каким результатом. Кроме того, уже на первом заседании кабинета вечером 30 января 1933 года министр экономики, он же руководитель национальной партии А. Гугенберг высказался против вхождения партии Центра в правительство под тем предлогом, что чужеродная политическая сила будет мешать формированию единой позиции высшей исполнительной власти.

Таким образом, “президентский” кабинет одержал свою первую победу над президентом. Пален и состоявшая за ним группа полагали, что и впредь развитие событий в Германии будет происходить в соответствии с разработанным им сценарием. Поскольку партия Центра не была допущена в правительство и в результате вновь возникла перспектива парламентских выборов, которая их совсем не устраивала, они попытались навязать Гитлеру свой вариант решения проблемы. Пален и Гугенберг предложили провести через рейхстаг закон о наделение правительства “национальной концентрации” чрезвычайными полномочиями. На заседании кабинета Гугенберг подробно объяснил, как это сделать: немедленно запретить коммунистическую партию, аннулировать её представительство в парламенте и посредством искусственного сокращения депутатского корпуса заполучить чрезвычайные полномочия. Смысл высказываний вице-канцлера и министра экономики заключался во всемерном укреплении позиций консервативно-авторитарных сил в правительстве.

Рекомендации Папена и Гугенберга выглядели заманчиво. Они открывали самый короткий путь к стабильной и прочной террористической диктатуре. К этой цели, в конце концов, стремились и национал-социалисты! Но в первые же дни Гитлер отклонил как предложение Гинденбурга о формировании “чёрно-коричневого” правительственного альянса, так и рекомендации партнёров по коалиции. Рейхсканцлер предпочёл идти своим путём, более долгим, требующим от НСДАП сложного маневрирования, при котором государственные полномочия использовались с методами, апробированными

ещё в “период борьбы”. Он высказался против запрещение компартии, заявив на заседании кабинета, что “совершенно невозможно поставить вне закона 6 миллионов человек, которые поддерживают КПП”. В отличие от авторитарно ориентированных консервативных сил нацисты вели дело к вовлечению рядовых коммунистов в тоталитарную систему. Гитлер, далее, склонился к тому, чтобы начать всё сначала, то есть опять распустить рейхстаг, провести новые парламентские выборы, получить для правительства вотум доверия депутатов, а затем чрезвычайные полномочия. При таких обстоятельствах Папену не оставалось ничего иного, как пойти на попятную. “Предстоящие выборы в рейхстаг, – говорил вице-канцлер, как бы ставя национал-социалистам ещё одно условие, – должны быть последними, и навсегда должен быть устранён риск возврата к парламентской системе”.

С момента образования правительства “национальной концентрации” 30 января 1933 г. до парламентских выборов 5 марта и вплоть до наделения кабинета чрезвычайными полномочиями 23 марта того же года в Германии происходил сложный, весьма противоречивый политический процесс, создававший иллюзию движения режима в направлении авторитарной диктатуры (хотя в действительности складывалась диктатура качественного нового типа). В самом деле, разве выходили за рамки авторитаризма принятые в то время репрессивные правительственные акты – чрезвычайный декрет “В защиту германского народа” (4 февраля), два чрезвычайных декрета, единогласно одобренных кабинетом 28 февраля после провокации с поджогом рейхстага (“Против государственной измены и изменнических действий”, “О защите народа и государства”), указ “О защите правительства национального возрождения от коварных посягательств” (21 марта 1933 г.)? Все эти декреты являлись отражением запретительного законодательства, типичного для всякого авторитарного государства. Яркий пример тому – формулировки чрезвычайного декрета “О защите народа и государства”: “Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 125 германской конституции отменяются впредь до дальнейшего распоряжения. Поэтому ограничение свободы личности, свободы выражать свое мнение, включая сюда и свободу печати, право союзов и собраний, нарушение тайной почтовой и телеграфной переписки, телефонных разговоров, производство обысков и конфискации, а также ограничения собственности допускаются независимо от установленных для этого законных пределов”. Правительство действует в рамках конституции, но в силу ряда причин на некоторое время вынуждено ограничить права граждан.

Можно обмануться и в характере закона о чрезвычайных полномочиях правительства (его точное название – “Закон в целях устранения бедствий народа и государства”), принятого рейхстагом 23 марта 1933 г., если не знать, что речь идет об одном из важнейших правовых актов третьего рейха. В соответствии с ним кабинет, то есть исполнительный орган власти, получал право на законотворческую деятельность. Тем самым не только нарушался важнейший принцип либеральной демократии – принцип разделения властей, но и за-

конодательная власть в лице парламента превращалась в придаток исполнительной власти. Именно об этом мечтали авторитарно ориентированные силы.

Более того, согласно статье второй закона о чрезвычайных полномочиях законы, принимаемые правительством Гитлера, могли уклоняться от имперской конституции. Веймарская конституция 1919 года превращалась, по существу, в фикцию. Ознакомившись на заседании кабинета 20 марта с подготовленным проектом “Закона в целях устранения бедствий народа и государства”, вице-канцлер Германии Пален подчеркнул только, что теперь “необходимо принять новый основной закон, который в первую очередь будет освобожден от преувеличенной роли парламентаризма”. Идея Папена нашла отражение в “Законо о переустройстве империи” (принят 30 января 1934 г.), статья 4 которого гласила: “Имперское правительство может создавать новое конституционное право”.

Принятие закона о наделении кабинета чрезвычайными полномочиями знаменовало собой подлинный перелом в отношениях как между правительством и президентом, так и внутри правительства. Полномочия кабинета вышли за рамки “президентского”, а сам Гинденбург фактически был ограничен в своих действиях. Консервативная группа Папена – Гугенберга в правительстве потерпела поражение хотя бы в силу того, что закон был принят не по её сценарию, а по сценарию Гитлера. Вместо правительства “национальной концентрации” в Германии стали говорить о правительстве “национального возрождения”.

Решающий удар по своим консервативным партнерам по кабинету нацистский режим нанес в конце июня – начале июля 1933 г. После запрещения 22 июня СДПГ в стране в течении двух недель “самораспустились” все политические партии (кроме национал – социалистической), в том числе те, представители которых заседали в правительстве. Рядовых членов партий призывали к “позитивному сотрудничеству” с нацистами. В те же дни под благовидным предлогом был смещен с поста министра экономики А. Гугенберг, часто выступавший с колкими замечаниями на заседаниях правительства.

В трансформации власти произошли необратимые перемены, нуждавшиеся в осмыслении. 6 июля на специально созванном заседании штатхальтеров (губернаторов земель) с программной речью выступил Гитлер. Он заявил, что в Германии завершается создание тотального государства. Политические партии, за исключением НСДАП, перестали существовать. Задача заключается в том, чтобы узаконить и увековечить положение вещей. “Если мы хотим, – подчеркнул фюрер нацистской партии, – распространения новой (национал-социалистической. – В.Б.) идеологии, мы должны вести войну на уничтожение системы ценностей демократии. Это означает: всеобщие выборы, принятие решений большинством голосов ... должны стать невозможными даже в мыслях. Взамен мы должны предложить принцип ответственности личности”. С этой целью необходимо

добиться “врастания партии в государство, воспитания партии в духе государственного мышления”. В своем выступлении Гитлер сформулировал задачи, далеко выходящие за пределы консервативного авторитаризма.

Вскоре изложенные Гитлером идеи были реализованы. 14 июля и 1 декабря 1933 г. кабинет принял два закона (“Закон против образования новых партий” и “Закон об обеспечении единства партии и государства”), в соответствии с которыми НСДАП признавалась единственной политической партией в Германии, носителем “германского государственного мышления” и неразрывно связанной с государством; партия провозглашалась “ведущей и движущей силой национал-социалистического государства”. На выборах в рейхстаг 12 ноября того же года 92,2 % избирателей, принявших участие в голосовании, высказались за так называемый единый список фюрера. Это означало, что депутатских мандатов лишились оставшиеся в парламенте члены распущенных политических партий и завершился процесс нацификации рейхстага. В тот же день, 12 ноября, состоялся первый после прихода Гитлера к власти референдум, в ходе которого 40,6 миллионов немцев (из 45 миллионов) ответили “да” на вопрос: “Одобряешь ли ты, Немец, и ты, Немка, политику своего правительства и готов(а) ли ты признать ее воплощением своей собственной позиции и своей собственной воли, готов(а) ли ты торжественно признать свою ответственность за неё?” Таким образом, нацистский режим получил всенародную поддержку и карт-бланш для любых последующих действий.

На основании референдума и парламентских выборов рейхстаг 30 января 1934 г. упразднил конституционные права германских земель, что было равносильно еще одному перевороту, совершенному национал-социалистическим режимом. Последними аккордами, сопровождавшими монополизацию нацистами всей полноты государственной власти, явились события, связанные с “ночью длинных ножей” (30 июня) и смертью президента П. Гинденбурга 2 августа 1934 г., – смещение с поста вице-канцлера Ф. Папена, присвоение Гитлером пожизненных полномочий главы государства, а также верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии. Всевластие фюрера и рейхсканцлера убедительно подтвердил проведенный 19 августа новый референдум. В отличие от авторитарных режимов, национал-социалистический, как в наркотике, нуждался в постоянной поддержке масс и не мог без нее существовать.

Национал-социалисты построили общенародное государство.

Политический режим, бескомпромиссно отвергавший как либерально-демократическое, так и консервативно-авторитарное (не говоря уже о коммунистическом) устройство общества, в германской истории установился впервые. Подобно фантому, он заставил всех содрогнуться – одних (таких в стране было большинство) от благоговейного ужаса и слепого поклонения, других (они находились в значительном меньшинстве) от страха и ненависти. Миллионы немцев, словно замороженные, следовали за режимом

до самого конца. В их поведении наблюдалось нечто иррациональное. Вот почему вопрос о природе нацистского рейха является одним из самых сложных при изучении гитлеровской Германии.

Существует множество определений национал-социализма. Долгие другие в неизменном виде продержалось коминтерновское, согласно которому фашизм у власти – это “открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала”. Сформулированное в декабре 1933 г., то есть спустя лишь несколько месяцев после прихода Гитлера к власти, данное определение носило откровенно политический и идеологический характер, да к тому же свидетельствовало о понимании коммунистами нацистской диктатуры как преимущественно авторитарной. Оно целиком и полностью основывалось на ленинской теории империализма с ее специфической трактовкой наступившей эпохи. Глубочайший кризис европейской цивилизации сводился в ней к общему кризису капитализма, основное содержание которого составлял революционный переход от буржуазного строя к коммунистическому во всем масштабе. Таким образом, приверженцы марксистской парадигмы видели в фашизме чудовищное порождение исторически обреченного монополистического капитала, что, собственно, и отразилось в коминтерновской формулировке.

Массовая, по существу всенародная поддержка национал-социалистического режима объяснялась почти исключительно государственным террором и разнузданной демагогией правящих кругов, запугиванием населения и подтасовкой результатов проводившихся время от времени референдумов. При этом из поля зрения как бы ускользали итоги выборов в рейхстаг в 1930-1932 гг., когда у избирателей еще существовала возможность предпочесть ту или иную политическую партию. Применительно к национал-социализму не нашла конкретного воплощения в трудах исследователей мысль о том, что трудящиеся. Рабочий класс могут следовать и за другими, даже чуждыми марксизму, идеями, в том числе за такими, которые неподвластны логическому истолкованию, однако выказывают широкий общественный резонанс.

С другой стороны, сама нацистская идеология, как правило, не квалифицировалась в качестве системы взглядов, способной аккумулировать рассеянные в послевоенном германском обществе качественно новые праворадикальные настроения, синтезировать в программу смутные ожидания сотен тысяч, а затем миллионов немцев, не обязательно люмпенов или маргиналов. Между тем, еще до установления нацистской диктатуры избиратели, ориентировавшиеся на КПП и НСДАП, в ходе парламентских выборов в преобладающем большинстве голосовали за программные установки национал-социалистической, а не коммунистической партии. Многие предпочли нацистскую идеологию потому, что она, наслаиваясь на их мироощущение, была нацелена и на разрыв с либеральной демократией Веймарской республики, и на сохранение преемственности (в ней акцентировалось внимание на примате на-

ционального, общенародного) – в отличие от провозглашенного КПП принципа пролетарского интернационализма.

Важнейшим отличительным признаком нацистского движения являлась его изначальная способность слить воедино национальное и социальным так, что социальное безусловно подчинялось национальному и всецело зависело от него. В результате возникла крайне агрессивная национал-социалистическая программа модернизации послевоенной Германии посредством идейно-политической, правовой и социальной интеграции немцев и предварительно нацифицированной народной общественности – так называемые *Двадцать пять пунктов НСДАП* (приняты 24 февраля 1920 г.). Предлагалось резко ущемить (вплоть до лишения) права лиц не немецкой национальности внутри страны, а также приступить к активной колониальной политике на международной арене. Для решения этой сверхзадачи нацисты требовали в последнем пункте программы создания “сильной центральной государственной власти, неограниченной власти центрального политического парламента над всей империей и над всеми ее организациями”. Подразумевался переход к диктатуре, но какой она будет, составители документа осознавали в то время еще смутно.

В меморандуме Гитлера, адресованном 16 мая 1923 г. органам юстиции Баварии, содержалась уже более четкая, но схематичная характеристика будущего нацистского режима. “Национал-социалистическое движение, – писал фюрер НСДАП, – является ... смертельным врагом нынешней парламентской системы. Оно ведет борьбу с демократическим принципом, в соответствии с которым решения принимаются арифметическим большинством, и стремится заменить его германской демократией, которой присущ авторитет фюрера”. Вследствие этого, добавил Гитлер, национал-социализм выступает не против сильного правительства, а против слабой, ни на что не способной парламентской власти. На место внеисторической формальной (либеральной) демократии Гитлер выдвигал некую германскую демократию с ее опорой на выдающуюся творческую личность. По его убеждению, соединение энергии вождя с энергией масс способно вызывать кумулятивный энергетический поток громадной разрушительной и созидательной силы, и главное состоит в том, чтобы правильно распорядиться этим потоком в интересах немецкого народа. Это и будет подлинной демократией в действии.

Привести немцев к подлинной, германской, демократии в состоянии только фюрер, вождь. Смысл данного термина пояснялся в “Майн кампф”. Быть фюрером вовсе не означает занимать высший государственный пост и единолично принимать решения, не означает быть диктатором, которому просто обязаны подчиняться чиновники всех степеней и рангов. “Быть фюрером, – утверждал Гитлер, – значит быть способным привести в движение массы”. Фюреру не подчиняются, за ним следуют, к нему притягиваются, как притягиваются к мощному магниту металлические предметы. Иррациональным образом в нем проявляется народная субстанция, дух и традиция народа. В нем концентриру-

ется вся народная энергия. Рожденный в народном лоне, фюрер и есть воплощение в самом глубоком понимании этого слова (в противоположность механически избранным народным представителями-парламентариями при либерально-демократической системе). Поэтому государство, основанное на принципе фюрерства, есть народное государство и не может быть иным. Национал-социалистическое народное государство есть результат национализации масс фюрером; опираясь на безусловную поддержку масс, оно выполняет великую, величайшую миссию – собирает всех немцев, отбирает из них лучшие расовые элементы, не допускает кровосмешения с чужеродными и готовит их к роли народа, господствующего над миром.

Будучи обязательной предпосылкой и неперенным условием существования национал-социалистического народного государства, национализация масс предполагала в то же время процесс замены социально-классового структурирования общества политико-правовым, что непосредственно вытекало из биополитического мировоззрения национал-социализма. Как писал сочинитель “Майн кампф”, нацистское государство “не делит своих граждан на классы. Оно делит население лишь политически: на полноправных граждан, которые все равны между собой, и подданных, не имеющих политических прав”. То же, но в более подробном изложении можно прочесть в “Двадцати пяти пунктах” 1920 г.: “Гражданином государства может быть только тот, в чьих жилах течёт немецкая кровь ... Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу.

Кто не является гражданином государства, может жить в Германии только на правах гостя и подлежит действию закона об иностранцах.

Право участвовать в управлении государством и государственном законодательстве может принадлежать только гражданину...

Все граждане должны обладать равными правами и исполнять равные обязанности”.

В отношении граждан нацистское государство должно было действовать как правовое, по отношению к подданным -применять чрезвычайное законодательство, пренебрегающее элементарными правами и свободами человека.

Идеи надклассового народного государства нацистский режим начал осуществлять с первых же дней своего существования, еще не успев как следует оформиться. На заседании правительства 7 марта 1933 г., то есть за две с лишним недели до получения чрезвычайных полномочий, члены кабинета согласились с мнением рейхсканцлера Гитлера о том, что в случае угрозы государственной власти нельзя доктринерски придерживаться формального права – наоборот, само право необходимо приспособлять к стремительно меняющимся обстоятельствам. Именно в то время режим в глубокой тайне приступил к составлению принципиально отличавшегося от юридических норм Веймарской республики так называемого народного законодательства, основу которого составляла национал – социалистическая интерпретация гражданства. “Право гражданства, – несколько

позднее разъяснял суть дела статс-секретарь министерства внутренних дел Штуккарт, – содержит предпосылки для политического и правового положения личности в обществе. Поэтому следствием великих политических переворотов должно быть радикальное изменение сущности и содержания гражданства”.

Тезису о политико-правовом равенстве рас, народов и людей национал-социализм противопоставил вывод о природном их неравенстве и, следовательно, о различиях в правах и обязанностях. Правовое положение определялось в них не его отношением к государству, как в либерально-демократических странах, а его расовыми качествами, а также его отношением к нацистской народной общности. “Право гражданства вообще не являлось индивидуальным правовым институтом, а результатом кровной принадлежности к расе и народной общности”, – безапелляционно утверждал Штуккарт. Иррациональными трансформациями в области права нацистский режим вознамерился создать нового человека, новый народ и новое, народное, государство.

Гитлеровское правительство методично, шаг за шагом решало поставленную задачу. Дополняя репрессалии в отношении лиц ненемецкой национальности соответствующими нормативными актами. Согласно “Закону о восстановлении профессионального чиновничества” от 7 апреля 1933 г. все чиновники “неарийского происхождения” подлежали увольнению с работы. 26 июня и 14 июля 1933 г. была опубликована серия указов и распоряжений о высылке из Германии лиц еврейской национальности, по каким-то причинам не получивших немецкое гражданство; о запрещении иммиграции евреев из восточноевропейских стран; о признании недействительным гражданства натурализованных с 9 ноября 1918 г. по 30 января 1933 г. лиц, если они не произвели потомства или не выполняют требования властей; о признании недействительными всех актов гражданского состояния, связанных с изменением фамилии, и так далее.

5 февраля 1934 года вышел “Указ о германском гражданстве”, по которому отменялось гражданство германских земель и вводилось единое германское имперское гражданство. В “Положении о германских общинах” (январь 1935 г.) население общин подразделялось на полноправных граждан и жителей, живущих в общине, пользующихся общественными учреждениями общины и обязанных нести общинные повинности. Согласно Нюрнбергским законам, принятым в сентябре 1935 г., всё население третьего рейха делилась на имперских граждан и государственных подданных, причём имперское гражданство получили исключительно лица “немецкой крови”. Обладатель имперского гражданства – и только он – имел право занимать любые государственные должности и полнокровно участвовать в жизни народа. Народ же в нацистском понимании этого слова – не что иное, как совокупность имперских граждан. Образование института имперского гражданства означало, по Штуккарту, “решение расового вопроса в политической сфере”, ибо евреи, получив статус государственных подданных, не только на законном основании начали вытесняться из государственной и общественной жизни, но и были сознательно превращены в касту не-

прикасаемых, общение с которыми каралось по всей строгости закона. Впоследствии, во время войны, правовое положение евреев было вообще сведено к нулю, а единственным местом их проживания на территории рейха стал концлагерь.

Принимая и осуществляя акты в рамках “народного законодательства”, национал-социалистическое правительство уже 30 января 1934 г. в преамбуле “Закона о переустройстве империи” поспешило объявить, что “германский народ... слился в единое и внутренне нерасторжимое целое”. А ещё спустя год, 30 января 1935 г., режим сформулировал следующую, высшую цель нацистского государства: “В едином, проникнутом национальной волей народе снова поставить общее целое выше судеб отдельного лица, общее благо – выше личного блага, и под руководством лучших из народа создать истинное народное целое, в котором при доброй воле даже последний соплеменник найдёт чувство общего единства”. Гомогенное по своей сути, национал-социалистическое общенародное государство мыслилось в качестве сверхпрочного монолита, от которого самым беспощадным образом отсекались бы все чуждые в расовом и политическом смысле элементы. Оно целенаправленно строилась как непосредственное продолжение всепоглощающей власти в германском обществе, вплоть до самых потаённых его уголков. Такая власть, автономная как властная структура и символ и одновременно неотделимая от народной среды (“Тот, кто назначается на общественную работу, – записано в “Положении о германских общинах”, – должен бескорыстным ведением дел и сознанием ответственности за него показать себя достойным оказанного ему доверия и быть образцом для других”), была поистине тоталитарной.

Национал-социалисты создали гибкую систему функционирования режима.

Нет недостатка в истолкованиях механизма функционирования национал-социалистического режима, но по-прежнему не стихают дискуссии по этому животрепещущему вопросу. В 1930–40-е гг. в мировой историографии фашизма преобладали две крайности – марксистско-ленинская формулировка нацистской власти как открытой террористической диктатуры самых реакционных кругов финансовой олигархии и противоположная версия о всевластии в третьем рейхе демонического фюрера. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. возникло представление о гитлеровской Германии как о неофеодальном обществе, стимулировавшее дальнейшие научные поиски.

В связи с активизацией исследования истории фашизма и второй мировой войны, а также в связи с интенсивной разработкой новых критериев и теоретико-методологических основ исторической науки в 60-е, а в особенности в 70-е годы XX в. в историографии ФРГ наметился прорыв в изучении механизма функционирования нацистского режима. Он нашёл выражение прежде всего в категориальном аппарате, понятийной структуре, терминологии

гии. Для более чёткого уяснения сложной структуры национал - социалистической власти появился термин “поликратия”, спустя некоторое время дополненный понятием “монократия”. Если сторонники структурального подхода склонялись к заключению, что итогом поликратии власти в рейхе явилась неспособность Гитлера контролировать систему (на этом основании Г. Моммзен в 1966 г. писал о нём как о “слабом диктаторе”), то приверженцы интенционалистского подхода усматривали в фигуре Гитлера подлинное олицетворение национал-социализма и в этом смысле говорили о нацистском тоталитарном государстве.

Исследования 1970-х – 1990-х гг. значительно продвинули изучение проблемы. Свидетельством этого можно считать выход в свет работ, авторы которых рисуют полифоническую картину нацистской властной структуры, уточняют старые и формируют новые положения, например, тезис о существовании в гитлеровской Германии плюралистического тоталитаризма.

Определенная исследовательская работа на данном направлении велась и ведется в нашей стране. В одной из своих монографий Д.М. Прозктор фиксирует “известный антагонизм внешнеполитических концепций” в нацистском рейхе, что, по его мнению, объяснялось активностью “соперничающих друг с другом высших органов власти, групп, личностей с разными интересами, целями, оценками и методиками”. В соперничестве элит отражались интересы разнообразных экономических (добавим от себя, и социальных) групп, но одновременно, как полагает автор, в нем проявлялась “фальшивая логика политики” режима. В последние годы российские историки приблизились к выводу о наличии в рейхе могущественных партийно-государственных “империй” – центров притяжения бюрократической элиты, монополистических, военных, научных и прочих кругов. Все “империи” рвались к вершинам власти, но именно поэтому обострялась конкуренция между ними. Реалии третьего рейха, специфика национал-социалистического режима, характер формирования элиты и другие причины объективно не допускали концентрации власти в одних руках, за исключением Гитлера, игравшего во властной системе руководящую и вместе с тем интегрирующую роль.

В нацистской Германии Гитлер обладал высшей властью как фюрер НСДАП и наделённый президентскими прерогативами рейхсканцлер кабинета. Через него происходил синтез высших структур партии и государства, в конечном итоге оформившийся в национал-социалистическое однопартийное государство. Только через него властные полномочия перетекали из одной партийно-государственной “империи” в другую, из партийных органов в государственные (и наоборот). Он один контролировал кадровую политику режима. В зависимости от принимавшихся Гитлером решений менялся политический вес той или иной “империи”, того или иного органа, подвергалась внутренним переделкам вся властная структура. Воля Гитлера приводила в движение механизм нацистской власти, она же определяла маги-

стральное направление этого движения. Без Гитлера третий рейх быстро оказался под влиянием центробежных сил.

Осуществляя верховную власть, Гитлер опирался на две несущие опоры режима – партию и государство. С самого начала нацистская партия взяла курс на нацификацию государства. Правовой основой процесса являлся упоминавшийся выше закон от 1 декабря 1933 г., в соответствии с которым на членов НСДАП возлагались “повышенные обязанности в отношении фюрера, народа и государства”. В тот же день заместитель фюрера НСДАП Р. Гесс был включен в состав правительства в качестве министра без портфеля. 27 июля 1934 г. Гесс получил право принимать участие в законодательной деятельности рейха, но не наравне с другими членами кабинета, а на порядок выше их: соответствующим министерствам вменялось в обязанности направлять ему подготовленные проекты законов, декретов и распоряжений. На основании “Закона о германских гражданских службах” (принят 26 января 1937 г.) национал социалистическая партия контролировала деятельность всех государственных органов. А с 30 сентября 1938 г. высшие партийные руководители имели право вмешиваться в дела любой государственной судебной инстанции.

Вместе с тем проблема сращивания нацистской партии и государства в третьем рейхе не такая простая, как выглядит на первый взгляд. Вскоре после установления режима в ней обнаружились некоторые специфические черты, на которые впервые указал Гитлер 6 июля 1933 г. Выступая на заседании штатхальтеров земель, он, с одной стороны, поставил задачу “воспитания партии в духе государственного мышления”, а, с другой стороны, предупредил партийную бюрократию, что не потерпит дилетантского вмешательства НСДАП в чувствительные для рейха экономические процессы. “Экономика равнодушна к мировоззрению”, – заявил Гитлер. Данная парадигма нашла продолжение и, более того, правовое обоснование в “Законе об обеспечении единства партии и государства”, принятом 1 декабря 1933 г. За “всякое нарушение дисциплины и порядка” в деле нацификации государственных органов закон предусматривал “особую партийную подсудность”, грозившую, помимо обычных должностных наказаний, арестом и тюремным заключением. В 8 статье закона специально подчеркивалось: “Рейхсканцлер в качестве фюрера германской национал-социалистической рабочей партии ... издает распоряжения, необходимые для проведения в жизнь ... настоящего закона, в особенности распоряжения об организации и порядке осуществления партийной подсудности”. Во второй половине тридцатых годов из недр партийной канцелярии НСДАП вышло несколько директивных документов с требованием прекратить совмещение партийных и государственных постов на уровне местного руководства (такое совмещение возникло явочным порядком после образования “правительства национальной концентрации” 30 января 1933 г. в результате массового и по существу бесконтрольного захвата нацистами государственных должностей).

Все эти документы свидетельствовали, во-первых, о постепенном осознании нацистским руководством того простого факта, что полное, тотальное слияние

партии и государства может иметь не только позитивные, но и негативные последствия для режима, связанные с ответственностью перед населением страны даже за необдуманные действия какого-нибудь чиновника. Поэтому в целях своего устойчивого функционирования режим нуждался в разграничении (а не только слиянии) полномочий партийных и государственных органов. Роль НСДАП во властных структурах третьего рейха свелась главным образом к мобилизации масс, а государства – к управлению. Все эти документы свидетельствовали, во-вторых, о том, что важнейшие политические решения в стране принимал исключительно Гитлер, он единственный занимался координацией деятельности партийных и государственных инстанций и отнюдь не собирався делиться с кем бы то ни было верховной властью. Фактор Гитлера (вернее. Его положения в системе) придавал особую гибкость.

Точно так же, как нацистский режим, для которого бы неприемлем и чужд принцип разделения властей, практически с самого начала отказался от услуг высшего законодательного органа – рейхстага. Так и Гитлер все меньше нуждался в специальном органе исполнительной власти, каким всегда было правительство. Заседания кабинета проходили все реже, хотя министерства продолжали исправно исполнять возложенные на них обязанности. Вместо многочисленных и неповоротливых правительственных структур – этого сосредоточия прусско-немецкой бюрократии – режим приступил к созданию специализированных, ориентированных на решение строго определенных задач управлений и ведомств с относительно немногочисленным штатом сотрудников-экспертов. В марте 1935 г. произошло создание государственного управления территориального планирования, сыгравшего большую роль в подготовке Германии к войне. Им руководил министр по делам религий Г. Керль. В октябре 1936 г. возникло могущественное управление уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана Г. Геринга. В октябре 1939 г. появился имперский комиссариат по укреплению немецкой народности во главе с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером, с деятельностью которого связаны наиболее чудовищные преступления Германии в годы второй мировой войны. При необходимости создавались и другие ведомства подобного рода, как, впрочем, и новые специализированные министерства (вооружений и боеприпасов, по делам оккупированных восточных областей, активно создававшееся министерство по делам колоний). Особоуполномоченные подчинялись непосредственно рейхсканцлеру, минуя кабинет, благодаря чему властный механизм третьего рейха должен был функционировать более эффективно.

В различном сочетании вбирая в себя как министерства с ведомствами, так и высшие органы НСДАП, партийно-государственные “империи” Геринга, Геббельса, Гиммлера, Риббентропа. Розенберга и других нацистских руководителей являлись своего рода коллективным субъектом № 2 гитлеровского режима. Над ним возвышался только сам фюрер и рейхсканцлер, который не мог обойтись без “империй” так же, как и “империи” без вождя. В отличие от принимающего единственное решение Гитлера совокупность “империй”, будучи

изначально гетерогенной и плюралистичной, предлагала по одному и тому же вопросу внутри- или внешнеполитической жизни страны сразу несколько проектов решения, порой отличавшихся друг от друга даже по своей мировоззренческой (ортодоксальной либо прагматической) окраске. Такая характерная черта режима, заключавшаяся в своеобразном распределении властных функций, наделяя его особой эластичностью и способностью мимикрировать, приспосабливаясь к самым неопределенным обстоятельствам. Но эта же характерная черта таила в себе угрозу саморазрушения режима, если внутри него произойдет непредусмотренный сбой.

Нацисты сконструировали такой властный механизм, в котором отсутствовала саморегуляция.

Сила созданного национал-социализмом политического режима могла в ходе его развития превратиться в слабость. В самом деле. Все его составляющие с самого начала работали на предельных оборотах и не могли иначе. Смена фюрера в такой системе была бы равносильна катастрофе. Она автоматически привела бы либо к временному параличу власти, либо к ужесточению (сверх обычного) междоусобной борьбы партийно-государственных “империй” с неизбежным разрыхлением и возможным разрушением режима изнутри. Иерархический принцип управления в государства требовала постоянной мобилизации масс на решение все новых и более сложных задач – вплоть до развязывания второй мировой войны и нацификации Европы, и не исключено, что когда-нибудь степень мобилизационной готовности общества достигла бы своих границ. Тогда могла наступить всеобщая, тотальная апатия, что знаменовало бы вступление режима в полосу внутреннего кризиса, перерастающего в агонию. Ведь фюрер в такой же мере нуждался в народе, как и народ – в фюрере. На этом фундаменте покоится любая разновидность тоталитаризма.

Итак, единственное, чего недоставало в целом эффективной системе власти национал-социализма, чего она была лишена по определению, – это саморегуляции.

Реальность истории привела национал-социалистический режим к войне и – в конечном итоге – к краху. При этом следует отметить, что в таком итоге заключена логика развития национал-социализма, поэтому попытки проанализировать возможный путь трансформации национал-социализма в условиях мира являются малопродуктивными. Можно, однако, предполагать, что теоретически судьба режима могла бы в какой-то степени напомнить послевоенное развитие Советского Союза – от диктатуры тоталитарного типа через апатию “застойной” эпохи к агонии и распаду.